

*Митрополит Молдавский и Буковинский Даниил
(Румынская Православная Церковь)*

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ, ЕГО ПРИРОДА И ЦЕЛЬ

Единство Церкви является одним из атрибутов или признаков Церкви, о котором говорится в Символе православной веры: «Верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Понимание единства Церкви, его реализации и проявления на уровне конкретной церковной жизни представляет собой постоянную проблему богословского, духовного, а также пастырско-миссионерского характера. Восстановление христианского единства после многих веков расколов и разделений и убедительное выражение единства Церкви на местном и вселенском уровнях также представляют собой один из важнейших вопросов богословского и пастырско-миссионерского характера, особенно в обществе, где возрастает дух плюрализма, секуляризации, где появляется все больше разделений в духовной сфере.

За последние десятилетия православные богословы, такие как Георгий Флоровский, Иоанн Кармирис, Иоанн Зизиулас, Владимир Лосский, Александр Шмеман и Думитру Станилоэ, глубоко исследовали тему единства Церкви на основе святоотеческого богословия, нередко в диалоге с римско-католической и протестантской христианской теологией, внося таким образом международно признанный православный вклад в богословие. Их учение о Церкви известно как «экклезиология евхаристического общения» (в случае Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа, Иоанна Зизиуласа, Бориса Бобринского) и как «троичная экклезиология», выходящая за пределы Евхаристии (в случае о. Думитру Станилоэ). Их размышления об онтологии личности на тринитарном и антропологическом уровнях, об отождествлении истины бытия с общением, о единстве христологии и пневматологии в созидаании Церкви, о тринитарных отношениях в жизни Церкви и по другим темам чрезвычайно важны и играют весьма важную роль в обновлении Церкви и в ее миссии сегодня.

Что касается *природы и цели церковного единства*, можно заметить, что в православном богословии и в какой-то мере за его пределами всеобщее признание получает взгляд, согласно которому *Святая Троица представляет собой источник, образец, опору и цель церковного единства*. Это единство мнений основано, с одной стороны, на неопатристической экзегезе Священного Писания, а с другой стороны, на более тщательном изучении сакраментального, литургического и канонического аспектов жизни Православной Церкви, рассматриваемых как источники академического богословского возрождения в диалоге с современной культурой.

Эти усилия, предпринимаемые в рамках возрождения академического богословия и направленные на достижение понимания Церкви вообще и ее единства, в частности, на основе неопатристического синтеза, должны быть продолжены, поскольку они пока не вышли за пределы начальной стадии. Необходимость этого подтверждается тем, что многие учебники богословия и другие богословские работы, появляющиеся в Православной Церкви в настоящее время, обнаруживают влияние старой западной схоластической терминологии и соответствующих представлений о богословской науке.

Кроме того, неопатристическое богословие сегодня должно также сопровождаться усилением библейского, литургического и пастырского возрождения, осуществляемого на основе многостороннего подхода, как это было в патристическом богословии. В связи с этим, хотелось бы напомнить о том, что догматы и каноны Православной Церкви были сформулированы на Вселенских Соборах богословами, которые были епископами, пастырями в своих епархиях с глубоким чувством своей пастырской и миссионерской ответственности за спасение паствы, вверенной их пастырскому попечению. В то же время, евхаристические литургии вырабатывались в живых общинах, где молитва соединялась с богословским размышлением, догматы — со славословием, церковное единство — с динамичной миссией. Помимо возвращения к пониманию Святой Троицы как источника, образца и цели православного единства, православное богословие сегодня должно выразить соотношение между церковным единством как даром Божиим и видимым единством как миссионерской задачей христиан.

Новый Завет учит нас, что Святая Церковь есть народ Божий (2 Кор 6:16; 1 Пет 2:9), мистическое Тело Христово (Еф 1:22-23), Невеста Христова (2 Кор 11:2; Отк 22:17), Храм Божий, Храм Святого Духа (1 Кор 3:16; 6:19-20), жилище Святой Троицы в людях (2 Кор 13:13, Еф 4:18), а также, что в Церкви «одно тело и один дух... один Господь, одна вера, одно крещение. Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас» (Еф 4:4-6). Все эти библейские выражения показывают нам, что единство Церкви есть дар Божий, само присутствие Святой Троицы в жизни Церкви. Богословско-миссиологическое размышление о жизни Церкви не может игнорировать трудности в сохранении, поддержании и выражении этого Божьего дара церковного единства. Иными словами, как мы соотносим догмат о единстве Церкви с нынешней сакраментальной и пастырско-миссионерской жизнью Церкви? Богословие должно помочь существующим церковным структурам в их практике сакраментальной и миссионерской жизни поддерживать и выражать дар единства Церкви, предлагая новые духовные пути диалога, братских отношений и сотрудничества. Например, знаменитое 34-е Апостольское правило, составленное около 400 г., предусматривает правильные отношения между епископами народа и их главой как отношения, строящиеся на основе взаимного совета, и делает вывод о том, что таким образом будут прославлены Отец и Сын и Святой Дух. Иными словами, чтобы вновь открыть значение тринитарной экклесиологии, содержащейся в Священном Писании и выраженной в свое время Отцами Церкви не в систематизирующих трактатах, но в сакраментальной жизни и в канонической дисциплине Церкви, необходимо вновь открыть их глубокое духовное содержание и отношение этого содержания к жизни христианских общин и отдельных христиан в наше время. Если мистическое содержание Святых Таинств, литургических обрядов и церковной дисциплины не будет творчески выражено, сохранится опасность того, что единство Церкви будут смешивать с единством светских организаций. В то же время необходимо, чтобы единство Церкви было представлено как дар Божий в его полноте, хотя его возвращение и проявление зависит от напряженности веры, духовной жизни и борьбы каждой христианской общины и каждого христианина.

Этот процесс усвоения дара благодати является в то же время динамичным процессом «обождения», или духовного роста, Церкви, основанного на исповедании того, что «Христос — Сын Бога живого» (Мф 16:6-18). Этот динамический процесс церковного единства как движения к зрелости или росту в общении прекрасно выражен апостолом Павлом в его Послании к Ефесянам: «Быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устроены в жилище Божие Духом» (Еф 2:2-22). В свете этого наставления сохранение и выражение церковного единства является знаком духовной зрелости и святости жизни.

Единство Церкви как общение различных человеческих личностей с Лицами Святой Троицы особо проявляется в жизни святых, которые понимали, что единство Церкви достигается прежде всего сердцами, исполненными Духа Христова, который в то же время — Дух Истины (Ин 15:26) и Дух общения (2 Кор 13:13). Это объясняет, почему в Никео-Константинопольском Символе веры единство Церкви тесно связано со святостью Церкви. Святой Дух создает церковное общение в истине веры и жизни как общении во Христе, в то время, как церковное единство переживается как дар Божий по мере возрастания христианина в святости через освобождение от самодовольства и от комплекса превосходства/неполноценности.

С этой точки зрения практическая тринитарная экклесиология, имеющая в качестве своей главной цели спасение и освящение верующих «благодатью Господа нашего Иисуса Христа, и любовью Бога Отца, и общением Святого Духа» (2 Кор 13:13), является *постоянной работой по исцелению* путем покаяния и прощения, путем примирения при сохранении неразрывной связи между истиной и любовью (Еф 4:15), между борьбой и победой над грехом и над бесовскими силами, разрушающими единство и мир (ср. Еф 6:13-18).

Тринитарная экклесиология общения предполагает также прояснение отношения между единством и свободой, поскольку свобода является необходимым аспектом бытия личности. Даже библейские образы «Церковь — Тело Христово» или «Христос — Глава Церкви» не должны истолковываться в буквальном, биологическом или же функциональном,

смысле, так как те, кто составляет мистическое тело Христова и поставлен Святым Духом, — это свободные личности; и они благодатью Святого Духа входят в общение любви божественных Личностей Святой Троицы, отличных друг от друга, равных, свободных, но тем не менее пребывающих в единстве. Поскольку «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17), церковное единство — это свободно принятое общение. Необходимо проводить различие между единством—общением, с одной стороны, и единством—принуждением, с другой, равно как между сектантской или индивидуалистической свободой, порождающей разобщение, с одной стороны, и церковной свободой как движением к примирению и общению, с другой.

В этом контексте практика канонических и воспитательных структур Церкви предполагает духовное подвижничество, как и практику ответственной свободы, направленную против индивидуальных или коллективных эгоистических устремлений. Настоящая церковная свобода не превращает автономию в самодостаточность или автаркию. Она не превращает братскую помощь в господство над другими, а силу любви — в любовь к силе. Эта церковная свобода является результатом духовной зрелости, постоянных усилий, направленных на освящение жизни, прежде всего посредством молитвы и осуществления заповеди о братской любви.

Мы знаем теоретически, что такое нормативное сакраментальное и каноническое единство Церкви, но у нас недостаточно сил, чтобы сохранять и взращивать его. Это, возможно, объясняет, почему Господь Иисус Христос говорит в Своей молитве, предшествующей Его страданиям и Распятию, именно о единстве Церкви, зная, как трудно сохранить общение любви в мире, глубоко разделенном грехом, в мире, где отсутствует любовь и искажается истина.

Другим аспектом единства, связанным со свободой, является *связь между общим содержанием и множественностью его выражений*. Даже в Царстве Святой Троицы (во внутри-троичной жизни) единство — это не единообразие, а нераздельное общение божественных, равных, свободных, но разных Лиц. В Святой Троице *единство происхождения* связано с Личностью Отца, Который порождает Сына и является источником исхождения Святого Духа; единство содержания является единственной в своем роде божественной сущнос-

тью каждого божественного Лица, без разделения или умаления. Единство жизни в свободе — это любовь-перихоресис, то есть взаимное обитание одного Лица в других, так что в Боге нет внешних, но есть только отношения взаимного пребывания друг в друге (ср. Ин 17:21-22).

Богочеловеческая жизнь Христа, соединенного с Отцом и Святым Духом, передается Церкви как источник ее истинной жизни: «Потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (Еф 2:18). Поэтому источником церковного единства является Святая Троица, ибо само Воплощение Сына осуществляется посредством соучастия Отца и Духа (Лк 1:35); крещение Господа в Иордане совершается при активном присутствии Святого Духа (Мф 3:16-17), в то время, как для христиан крещение является вхождением в Церковь и принятием в общение жизни Святой Троицы (Мф 28:19-20). Содержание церковного единства — это благодать, а единство жизни в свободе является любовью как плодом благодати. Таким образом, жизнь Церкви как ответ на любовь Божию и как ее плод в жизни христиан формирует Церковь как сакраментальный образ любви Святой Троицы и как пророческое предвкушение полного общения в Царстве Божиим.

Высшей целью церковного единства как общения в любви с Лицами Святой Троицы и общения людей в Церкви и в мире является спасение. Отцы Церкви напоминают нам, что «спасаются только-соединенные с Богом» (св. Григорий Назианзин). Поэтому первым требованием для сохранения единства Церкви является исповедание правильной веры как исповедание Христа, истинного Бога и истинного Человека, пребывающего в вечном общении с Отцом и Святым Духом, а после Воплощения — также в вечном общении с человечеством. Эта правильная вера открывает нам вход в Царство Божие (Мф 16:16-18). В этом смысле ересь как отклонение от истинного общения с Лицами Святой Троицы является препятствием для сохранения церковного единства и для достижения спасения. Борьба апостолов, мучеников и Отцов Церкви за сохранение и передачу правильной веры, «однажды преданной святым» (Иуд 1:3), и их борьба за церковное единство против расколов (1 Кор 3:1-23) учит нас, как велика наша ответственность — ответственность всех христиан за сохранение и возвращение святого дара церковного един-

ства и насколько необходимо возрастая в любви и добиваться восстановления церковного общения со всеми теми, кто по нашей или не по нашей вине отошел от Православной Церкви.

Церковное единство, проистекающее из общения Святой Троицы и выражающее его прежде всего как духовное отцовство, духовное сыновство и духовное братство в жизни Церкви — духовной Матери, превращает церковную общину скорее в церковную семью, чем в юридический институт. Сегодня необходимо вновь осмыслить глубокую связь между Церковью как духовной семьей и семьей как домашней церковью. Нынешний духовный кризис семьи и вызов со стороны новых движений призывают нас более глубоко возвращать жизнь местной церковной общины как жизнь духовной семьи, основанной на общении веры и жизни с Отцом, Сыном и Святым Духом. В то же время, необходимо развивать понимание семьи как пространства, где жизнь является благословением Святой Троицы. То, что Православие никогда не противопоставляло семейную жизнь в браке монашеской жизни, а скорее использовало в монашестве выражения, происходящие от семейной жизни в браке (такие как отец, сын, брат, мать, дочь, сестра — в духовном понимании), является ясным указанием на то, что и семьи, и монашеские общины призваны прославлять присутствие в них тринитарной любви, сохранять церковное единство и содействовать ему.